

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАТЕГИЯХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЯН В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

КАРАВАЙ АНАСТАСИЯ ВАДИМОВНА,

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: karavayav@yandex.ru*

Цитирование: *Каравай, А. В. (2020). Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX – начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies, 12(1), 144-159. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159*

Статья посвящена анализу изменений в стратегиях социально-экономической адаптации россиян на протяжении последних 30 лет. Продемонстрировано, что рейтинг распространенности различных адаптационных действий сформировался еще в 1990-е гг., когда новые институциональные условия вынудили массовые слои населения страны активно искать способы поддержания своего материального благополучия. Лидерами его стали стратегии, ориентированные на разовые приработки и работу в личном подсобном хозяйстве. Рост реальных доходов привел в последующем к некоторому увеличению числа тех, кто успешно адаптировался к новым условиям и мог позволить себе ничего не предпринимать для наращивания своих доходов, получая лишь заработную плату на одной работе или пенсию. Однако даже в 2018 г. в данную группу входили лишь 16% россиян (при этом каждый десятый объективно не мог ничего сделать для улучшения своего положения, и столько же являлись пассивными дезадаптантами, не имея жестких внешних ограничений для своей адаптационной активности). Что же касается активных форм адаптации, то главные изменения последних лет в них – заметное сокращение распространенности стратегий, ориентированных на рынок труда, особенно множественной и сверхурочной занятости. Причина этого – ослабление переговорных позиций работников в их отношениях с работодателями и вытекающее из этого снижение эффективности ориентированных на рынок труда стратегий. Показано также, что из-за низких «отдач» на знания и квалификацию в отечественной экономике распространенность их наращивания и обновления за последние полтора десятилетия сократилась вдвое. В итоге доля использующих в ходе активной социально-экономической адаптации только неконструктивные действия (наращивание долговой нагрузки и т.п.) составляет сейчас минимум 7% взрослого населения страны. Сделан вывод, что процесс социально-экономической адаптации россиян к сложившейся в стране системе общественных отношений еще продолжается. И хотя идет он довольно интенсивно, вектор его противоположен многим задачам, стоящим сейчас перед страной, в частности – курсу на «технологический прорыв».

Ключевые слова: *социально-экономическая адаптация; стратегии адаптации; стратегии выживания; адаптационное поведение; человеческий капитал.*

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

CHANGES IN THE RUSSIANS' STRATEGIES OF SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

ANASTASIA V. KARAVAY,

*senior research associate,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: karavayav@yandex.ru*

Citation: Karavay, A. V. (2020). Changes in the russians' strategies of socio-economic adaptation in the late XX – early XXI centuries. *Journal of Institutional Studies*, 12(1), 144-159. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159

The study is devoted to the analysis of changes in adaptation strategies of Russians over the past 30 years. According to the analysis of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences' data, the widespread adaptation strategies were shaping most actively in the 1990s, when new institutional conditions forced individuals to look for new ways for maintaining the material wellbeing of their households or even for surviving. It is also shown that the growth of real incomes in the 2000s led to a slight increase in the number of those who have successfully adapted to new conditions and could afford nothing more to do to improve their financial situation, but even in 2018, there were only 16% of the population. With regard to active forms of socio-economic adaptation, the article shows that by the end of the second decade of the XXI century, the shift of dominance in the relations of workers and employers towards the latter led to a reduction in supporters of strategies related to the labor market, due to a decrease in their effectiveness. It is concluded that the process of socio-economic adaptation of Russians to the current system of social relations in the country is still ongoing. And although it is quite intense, its vector is opposite to many of the tasks facing the country now, in particular-the course of "technological breakthrough".

Keywords: socio-economic adaptation; adaptation strategies; survival strategies; adaptive behavior.

JEL: D10, D19, D31, E02, J24, I29

Введение

Большинство исследователей (Спенсер, Дюркгейм, Вебер, Мертон, Парсонс, Шибутани, Шаффер, Шобен и др.) рассматривали социальную адаптацию как взаимодействие между личностью и средой, в результате которого обе стороны подвергаются определенным изменениям (Позднякова, 2011). В процессе социальной адаптации индивид, чтобы обрести субъективное «равновесие» с новой средой, приспосабливается к изменившимся условиям, меняя собственные нормы, ценности

и поведенческие паттерны под социальные институты (*Bowles, Choi, Hopfensitz, 2003; Hashimoto, Nishibe, 2017; Hechter, Opp, Wippler, 2018 и др.*), которые сложились в новом для него социуме. Институты, таким образом, задают «правила поведения» личности в обществе, которые могут меняться под действием структурных и культурных факторов (*Вольчик, Зотова, 2011; Tibbs, 2011*).

Социальные и экономические институты, в свою очередь, изменяются под влиянием ряда процессов, идущих на микроуровне, а также значительных сдвигов в массовом сознании. Большой приток мигрантов, пересмотр взглядов на гендерные взаимоотношения и роль женщин в социуме вынуждают власти развитых стран изменять вековые устои общества для соблюдения принципов толерантности и равноправия (*Castles, 2003; De Rose, Racioppi, Zanatta, 2008; Duchêne, Moyer, Roberts, 2013; Branisa et al., 2014*).

На макроуровне, помимо влияния на социально-экономические институты глобальных политических и экономических событий (*O'Brien et al., 2000; Tarrow, 2001; Farrell, Newman, 2017*), воздействуют и экологические изменения, которые вынуждают общество к ним приспосабливаться (*Hoffman, 2003; Jones, Boyd, 2011; Porter, Demeritt, Dessai, 2015; Fazey et al., 2016*). Для России, помимо общемировых изменений, трансформирующих ее общественные институты, остаются актуальными и общенациональные проблемы, связанные со структурными преобразованиями всех сторон жизни страны, начавшимися в конце XX в. и продолжающимися в настоящее время. В результате этих процессов именно для россиян проблематика социально-экономической адаптации к быстро меняющейся внешней среде стоит особенно остро.

Поэтому целью нашего исследования стал анализ динамики адаптационных стратегий россиян, направленных на поддержание и наращивание их материального благополучия, в контексте институциональных изменений, происходивших в России в последние десятилетия.

Теоретико-методологические основания исследования

В последние десятилетия проблематика адаптационных процессов в российском обществе прочно вошла в число наиболее актуальных тем общественных наук. Это естественно, поскольку крайне редко ученым удается воочию наблюдать процессы структурной перестройки такого масштаба, как имевшие место в России и затрагивавшие самые основы функционирования экономики, государства и общества. И, как свидетельствуют эмпирические данные (*Гордон, 1994; Заславская, 1995; Шабанова, 2001; Адаптационные стратегии..., 2003; Латов, 2003 и др.*), эти изменения действительно оказали уже в 1990-е гг. очень существенное влияние на адаптационное поведение населения. Ведь именно в условиях рыночной экономики стало возможно иметь множественную официальную занятость, приватизировать и покупать недвижимость, сдавать ее в аренду, заниматься частным предпринимательством, эмигрировать и т.д.

В этот период в нашей стране сложилась и определенная научная традиция изучения адаптационного поведения населения. Сформировался также консенсус относительно того, что такое социальная адаптация. Наиболее точно суть ее определила П.М. Козырева, отмечавшая, что социальная адаптация является процессом двустороннего взаимодействия адаптанта с социальной средой, направленным на гармонизацию взаимоотношений между ними (*Козырева, 2011: 24*). Это определение удачно дифференцирует социальную адаптацию от физиологической и психологической, а также подчеркивает ее деятельностный и целенаправленный характер. Понятно из него и то, что, поскольку сам человек, как и окружающая его среда, находится в процессе непрерывного изменения, адаптация к изменению процесса их взаимодействия также имеет постоянный характер. При этом она может быть чисто психологической и не

предполагать каких-либо «социальных действий», и тогда можно говорить о пассивном, хотя и конструктивном характере социальной адаптации. Однако пассивное поведение может скрывать за собой и отсутствие психологической адаптации. В этом случае можно говорить о неконструктивной пассивной социальной адаптации, не обеспечивающей успешной реализации человеком своих исходных целей в изменяющейся среде.

Двойкий характер может носить и активное адаптационное поведение. Оно также может быть конструктивным, предполагающим выбор тех поведенческих стратегий, которые в большей или меньшей степени способствуют гармонизации взаимодействия индивида со средой, или же неконструктивным (в том числе деструктивным).

В психологической традиции изучения адаптации ее неконструктивность увязывается обычно с дезадаптацией индивида. Однако в социологической традиции анализа неконструктивные поведенческие практики, причем как пассивные, так и активные, могут свидетельствовать не о «потерянности» человека в изменившейся внешней среде, а о нехватке индивидуальных ресурсов (от здоровья до ресурса социальных сетей), необходимых для реализации более конструктивных действий, роль которых человек понимает и в принципе готов реализовывать. Поэтому, прежде чем оценивать отсутствие конструктивных адаптационных практик как свидетельство дезадаптации индивида, необходимо сначала проанализировать локализацию этих практик в тех или иных социальных группах, а также факторы их распространенности. Этому принципу мы следовали в настоящей статье.

Особенно значимым фактор ресурсов является для возможности использования конструктивных форм социально-экономической, а не просто социальной адаптации. При этом, поскольку «жить не хуже других» входит в набор базовых целей россиян (*Российское...*, 2017), ключевым для оценки характера социально-экономической адаптации представителей массовых слоев населения является вопрос о том, какими именно способами они пытаются повысить уровень своего благосостояния. Конечно, действия по улучшению своего материального положения далеко не исчерпывают всех форм социально-экономической адаптации – например, покупку жилья после рождения ребенка также можно отнести к проявлениям социально-экономической адаптации к изменениям внешней среды. Однако именно действия по улучшению своего материального положения можно рассматривать как «ядерный» показатель ее специфики в различных социальных группах. Такая традиция анализа социально-экономической адаптации уже прочно укоренилась среди отечественных исследователей. Мы также использовали при анализе этот подход.

Отдельно надо сказать при характеристике методологических предпосылок нашего исследования еще о двух обстоятельствах. Во-первых, поскольку материальное положение человека и его возможности определяются общей ситуацией в его домохозяйстве, а некоторые формы активности вообще могут носить затрагивающий сразу нескольких его членов характер (например, семейный бизнес или работа в подсобном хозяйстве), то анализ социально-экономической адаптации традиционно проводится применительно к индивидам как членам определенных домохозяйств. Мы также следовали этому общему правилу. А во-вторых, социально-экономическая адаптация рассматривалась нами в свете теории жизненного пути, подчеркивающей, что индивиды рационально выбирают способы достижения своих целей с учетом тех социально-экономических и институциональных условий, которые существуют для них «здесь и сейчас». Это тем не менее не означает, что выбор способов достижения цели улучшения своего материального положения является полностью осознанным, взвешенным и оптимальным, а скорее отражает «практическую применимость такого поведения и его соответствие достижимому в данных условиях уровню удовлетворения потребностей» (*Вольчик, Зотова, 2011*).

Основной нашей исследования стали данные опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2003–2018 гг.¹ Причиной выбора этой эмпирической базы стал тот факт, что во все рассматриваемые опросы, охватывающие в совокупности временной горизонт более чем 15 лет, включался вопрос об адаптационных действиях населения, звучащий следующим образом: «*Каким образом Вы и члены Вашей семьи пытаетесь изменить свое материальное положение в лучшую сторону?*». Перечень закрытый вопроса также был фиксированным во всех опросах и включал в том числе формулировку «*Другое (что именно?)*», позволяющую, в случае необходимости, вносить в последующем в этот вопрос корректировки. Однако они не потребовались, поскольку никаких дополнительных массовых практик улучшения своего материального положения у россиян за это время, как оказалось, не появилось.

Особо следует отметить также, что использованные массивы данных не позволяли разделить предпринимаемые населением адаптационные действия на «легальные» и носящие «теневой» характер. Однако анализ роли занятости в неформальной экономике для использования различных адаптационных действий показал, что есть только один вид действий, связанный с трудовой активностью и чаще присущий тем, кто работает на основе устных договоренностей с работодателем, т.е. находится в теневом секторе экономики. Это разовые и временные приработки, которые встречаются в данной группе в полтора раза чаще, чем среди имеющих постоянную официальную занятость, и обычно имеют в России неформальный характер. Причем, судя по распространенности разовых приработков среди россиян, роль неформальных путей улучшения своего материального положения для них сейчас все еще достаточно велика, хотя по отношению к началу 2000-х гг. и сократилась – доля использующих разовые и временные приработки с 2003 по 2018 г. уменьшилась на четверть (с 34,2 до 25,8%).

Стратегии социально-экономической адаптации массовых слоев населения страны

Весной 2018 г. в российском обществе доминировали различные формы активного поведения по улучшению своего материального положения, которые можно разделить по их типам в соответствии с источниками получения дополнительных доходов: использование возможностей рынка труда, имеющиеся активы, внешние источники, смена места жительства и локального рынка труда (рис. 1). В целом какие-либо из представленных на рис. 1 активных действий использовались в домохозяйствах 64% россиян, а наиболее распространенными среди них являлись в 2018 г. адаптационные действия, связанные с трудовой деятельностью. На втором месте по распространенности были действия, связанные с получением внешней помощи. В то же время действия, направленные на получение дохода на имеющиеся активы, до сих пор распространены среди россиян сравнительно мало. Если же учесть двойственный характер подсобного хозяйства, доход от которого можно рассматривать и как доход от трудовой деятельности, то доля использующих в своих адаптационных стратегиях имеющиеся активы вообще становится очень мала.

Около трети населения (36%) живут в домохозяйствах, члены которых не предпринимают каких-то действий, позволяющих сразу или в будущем получить дополнительные доходы от своей трудовой деятельности или своих ресурсов, т.е. отличаются пассивным адаптационным поведением. У 20% россиян эта пассивность носила в 2018 г. неконструктивный характер, поскольку они бездействовали из-за того, что не видели реальных путей для улучшения своего положения. В то же

¹ Речь идет об исследованиях: «Богатые и бедные в современной России» (2003, N=2106); «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008, N=1717); «Бедность и бедные в современной России», (2013, N=1700); 3-я и 8-я волны Мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах», опросы по которым были проведены, соответственно, осенью 2015 г. и весной 2018 г. (в обоих случаях N=4000). Во всех исследованиях принципы построения многоступенчатой стратифицированной случайной выборки были идентичны и репрезентировали население страны от 18 лет и старше по регионам, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения.

время нельзя говорить о том, что характеризующаяся неконструктивной пассивной адаптацией часть населения состоит только из дезадаптантов, поскольку такая стратегия присуща в основном россиянам старших возрастов, для которых возможности каких-либо конструктивных действий по улучшению своего положения действительно ограничены – доля ее приверженцев среди тех, кто старше 60 лет, более чем вдвое выше, чем среди более молодых россиян. При этом, однако, свыше половины тех, кто ничего не предпринимал для улучшения своего положения, хотя оно их не устраивало, были в возрасте до 50 лет. И хотя часть из них имела плохое здоровье, нуждающихся в постоянном уходе членов домохозяйств и другие объективные ограничения для их адаптационной активности, все же около половины приверженцев неконструктивной пассивной адаптации можно считать дезадаптантами. Таким образом, к числу пассивных дезадаптантов может быть отнесен каждый 10-й россиянин. Кроме того, еще 7% взрослого населения страны (или 11% всех использующих активные формы адаптации) характеризуются только неконструктивными действиями (наращивание долговой нагрузки, распродажа имущества и т.п.) в этих целях, что позволяет и их рассматривать как дезадаптантов. При этом даже в возрастных когортах до 55 лет данный показатель достигает 6%. Пассивная же, но конструктивная адаптационная стратегия характеризует 16% населения, которое не видит необходимости предпринимать для улучшения своего материального положения что-либо дополнительно к своей обычной деятельности, поскольку оно их устраивает. Этот вид адаптационных стратегий относительно чаще встречается среди не состоящей в браке молодежи до 25 лет, а также имеющих высшее образование и проживающих в столицах страны и субъектах РФ.

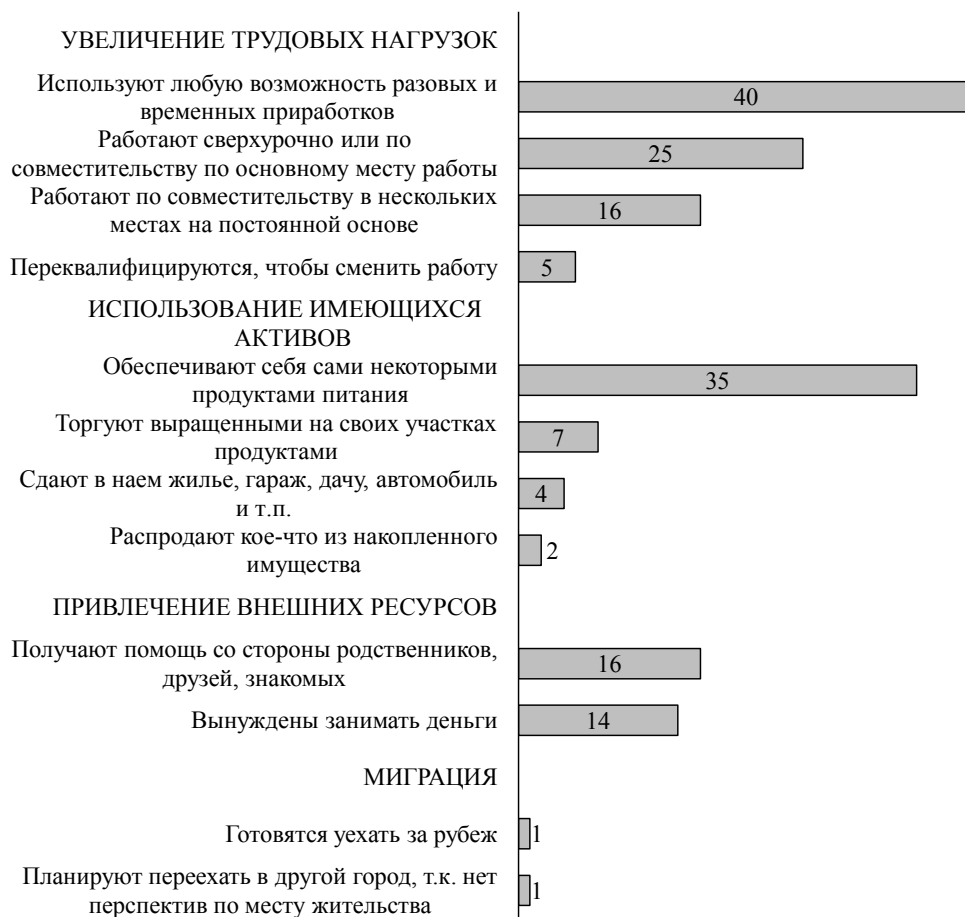

Рис. 1. Распространенность различных адаптационных действий среди россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % от тех, кто что-либо предпринимал

Остальные россияне распадаются на две группы. Одна из них (27%) использует только конструктивные формы адаптации и отчасти напоминает по составу сторонников пассивной конструктивной адаптации. Другая, самая массовая (30%), сочетает в своем адаптационном поведении как конструктивные, так и неконструктивные действия (рис. 2). К сожалению, установить соотношение этих действий с учетом особенностей использованной нами базы данных было невозможно, однако какая-то часть этой группы также относится скорее к дезадаптантам, что позволяет рассматривать общую оценку их в 17% как минимальную.

Рис. 2. Численность групп с разными видами адаптационной активности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Гендерная дифференциация в отношении активных/пассивных и конструктивных/неконструктивных действий незначительна и касается в основном ограниченности возможностей активных конструктивных стратегий для женщин в малых городах и особенно поселках городского типа, а также возможностей конструктивной пассивной адаптации, которая встречалась в 2018 г. среди мужчин на 4% чаще, чем среди женщин².

Однако это лишь отдельные действия, которые могут различным образом группироваться в стратегии, реализуемые конкретными людьми и социальными группами. Для выявления групп населения, практикующих схожие стратегии социально-экономической адаптации, мы применили процедуру двухэтапного кластерного анализа³. Это позволило выделить на данных 2018 г. девять кластеров, каждый из которых соответствовал определенной стратегии активной адаптации. С учетом двух пассивных стратегий их общий список насчитывал 11 видов адаптационных стратегий.

Стратегия «*Вынужденное бездействие*» относится к пассивным и объединяет тех, кто не видит для себя возможностей улучшить свое материальное положение за счет дополнительных форм активности (20% взрослого населения страны). Среди сторонников этой стратегии, как уже отмечалось, заметно чаще встречаются лица пенсионного возраста.

Стратегия «*Добровольное бездействие*» (16%) объединяет людей, которые ничего не предпринимают для улучшения собственного материального положения, поскольку улучшать его, по их мнению, им не требуется. Среди ее сторонников преобладают городские жители экономически активного возраста из обеспеченных слоев населения.

² Более подробно о ключевых характеристиках россиян, использующих различные формы социально-экономической адаптации см. (Каравай, 2019).

³ Качество модели хорошее, силуэтная мера связности – 0,7.

Стратегия *«Помощь близким»* (6%) ориентирована, прежде всего, на помощь со стороны родственников, друзей и знакомых, хотя приблизительно около четверти ее сторонников в зависимости от места проживания использовали в 2018 г. также либо разовые приработки (преимущественно в городах), либо подсобное хозяйство (чаще всего в селах). Данной стратегии чаще остальных придерживаются неработающие пенсионеры и студенты, проживающие в провинциальных городах и сельской местности. С точки зрения их материального положения, представители данной стратегии относятся не только к малообеспеченным, но и к другим слоям общества.

Стратегия *«Множественная постоянная занятость»* (6%). Сторонники данной стратегии, как следует из ее названия, стремятся улучшить свое материальное положение за счет работы по совместительству в нескольких местах на постоянной основе. Они чаще проживают в крупных городах с широким рынком труда и востребованы на этом рынке, поскольку в большинстве случаев их уровень квалификации сравнительно высок.

Стратегия *«Любые приработки»* (10%). Ее сторонники, проживающие в основном в крупных городах, в стремлении улучшить свое материальное положение также ориентируются на рынок труда, однако их положение на нем заметно слабее, чем у сторонников стратегии *«Множественная постоянная занятость»*, и в этой группе заметно больше рабочих, чем в среднем по России.

Стратегия *«Максимальная активность»* (8%). Ее сторонники используют наибольшее число адаптационных действий по сравнению с представителями остальных стратегий. В первую очередь эта стратегия основывается на интенсификации занятости либо в виде сверхурочной работы по основному ее месту, либо в форме разовых приработков. Помимо этого, многие сторонники этой стратегии используют помощь близких или займы, а также выращивают для себя кое-какие продукты питания – в общем, «крутятся как могут». При этом сторонники данной стратегии характеризуются сравнительно высокой степенью обеспеченности разными ресурсами, которые используются ими для адаптации.

Стратегия *«Выращивание продуктов для себя»* (11%) основана на использовании личного подсобного хозяйства для собственных нужд. Она распространена преимущественно среди относительно благополучных сельских жителей, многие из которых имеют высшее образование и занимают рабочие места специалистов и руководителей.

Стратегия *«Выращивание продуктов на продажу»* (4%). В отличие от предыдущей, эта стратегия в большей степени характерна для сельских рабочих и относительно менее благополучных слоев сельского населения.

Стратегия *«Наращивание долговой нагрузки»* (6%) характерна для занятого населения младше 50 лет с высокой по сравнению со средними показателями иждивенческой нагрузкой, преимущественно без каких-либо ресурсов, но с уже имеющейся высокой долговой нагрузкой в виде банковских кредитов и накопившихся мелких займов.

Стратегия *«Мобильность»* (6%) получила такое название из-за того, что среди ее сторонников концентрируются практически все, кто ориентирован на внутреннюю или внешнюю миграцию. Много в их числе и тех, кто переквалифицируется, чтобы сменить профессию. Другими словами, представители данной стратегии готовы и к территориальной, и к профессионально-образовательной мобильности. Ее сторонники сравнительно чаще, чем россияне в целом, имеют доходы от собственности (сдают внаем недвижимость, получают проценты по вкладам и инвестициям и т.п.).

Стратегия *«Сверхурочная работа»* (6%) характерна для тех, кто из всего набора адаптационных действий предпочитает наращивать трудовую нагрузку на единственном рабочем месте. Эта стратегия сравнительно чаще распространена среди жителей мегаполисов, работающих на предприятиях, где сверхурочные часы принято оплачивать.

В целом же активные адаптационные стратегии чаще распространены сейчас в наименее благополучных слоях общества со среднедушевыми доходами, не превышающими половины медианных в соответствующих типах поселений (табл. 1), т.е. среди тех, кто нуждается в дополнительных действиях для успешной адаптации к условиям внешней среды. При этом наиболее распространенной, по сравнению с остальным населением, формой адаптационного поведения среди беднейших слоев общества является наращивание долговой нагрузки, выступающее примером неконструктивных активных адаптационных стратегий (табл. 1). В уязвимой группе россиян, в домохозяйствах которых среднедушевые доходы составляют от 0,5 до 0,75 медианных в их типах поселений, шире, чем у остальных, распространены стратегии максимальной активности, привлечения помощи близких и наращивания долговой нагрузки. В медианной группе материальное положение сравнительно чаще пытаются улучшить с помощью приработков и подсобного хозяйства. Наконец, те представители среднедоходных и наиболее обеспеченных слоев, которые выбирают активные стратегии, относительно чаще ориентируются на увеличение своей трудовой нагрузки на постоянной основе.

Таблица 1

Распространенность различных адаптационных стратегий среди россиян с разным уровнем среднедушевых доходов, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %⁴

Стратегии адаптации	Среднедушевые доходы относительно поселенческой медианы					В целом по массиву
	менее 0,5 N = 245	от 0,50 до 0,75 N = 697	от 0,75 до 1,25 N = 1605	от 1,25 до 2,00 N = 869	свыше 2,00 N = 256	
Вынужденное бездействие	<u>13</u>	25	21	<u>17</u>	<u>10</u>	20
Добровольное бездействие	<u>6</u>	<u>9</u>	<u>14</u>	20	36	16
Помощь близких	9	8	7	<u>5</u>	<u>2</u>	6
Множественная занятость	7	7	5	7	8	6
Любые приработки	9	<u>7</u>	11	11	9	10
Максимальная активность	11	10	8	7	10	8
Выращивание продуктов для себя	12	11	13	10	<u>7</u>	11
Выращивание продуктов на продажу	5	5	4	4	<u>2</u>	4
Увеличение долговой нагрузки	13	8	6	<u>3</u>	<u>2</u>	6
Мобильность	10	6	<u>5</u>	8	7	6
Сверхурочная работа	5	<u>4</u>	6	8	7	6

В целом же, как видно из табл. 1, россияне сейчас относительно чаще пытаются улучшить свое материальное положение либо за счет приработков, либо за счет подсобного хозяйства. Возникает вопрос: а изменились ли поведенческие модели, позволяющие населению страны наращивать собственное благополучие? И как влияет на адаптационную активность россиян экономический фон для нее – периоды роста экономики, ее кризиса или стагнации? Для ответа мы провели сравнительный анализ адаптационных стратегий россиян в разных временных точках: в 2003 г., т.е. в начале

⁴ В таблице различным шрифтом выделены статистически значимые при уровне $\alpha < 0,01$ взаимосвязи: жирным – прямые, курсивом – обратные. Фоном выделены максимальные значения по строке.

периода быстрого экономического роста, весной 2008 г. – в благополучный момент накануне очередного мирового кризиса, в 2013 г. – на пике подъема экономики после кризиса 2008–2009 гг. и накануне введения санкций; осенью 2015 г. – в самый разгар экономического кризиса 2014–2016 гг.; весной 2018 г. – в период стагнации экономики. Ниже изложены результаты этого анализа.

Динамика стратегий социально-экономической адаптации россиян в последние десятилетия

К началу 2000-х гг. основной набор адаптационных действий, потенциально способных обеспечить улучшение материального благосостояния в новых институциональных условиях, в российском обществе уже сформировался. Эти действия были описаны и систематизированы в работах отечественных исследователей тех лет, в которых предпринимались также попытки оценить численность тех, кто сумел воспользоваться преимуществами новой системы институтов, позволяющей получать ренту с различных активов (недвижимости, инвестиций и пр.), заниматься предпринимательством, переквалифицироваться и свободно перемещаться на рынке труда не только вертикально, но и горизонтально. М.А. Шабанова, например, оценивала их численность примерно в 20% (*Шабанова, 2001: 92*). По оценкам Е.М. Авраамовой (*Адаптационные стратегии..., 2003: 20*), тех, кто смог выстроить наиболее эффективные и успешные трудовые стратегии в новых рыночных условиях, включая предпринимателей и лиц с высокодоходной занятостью на единственной работе, было по состоянию на середину 1990-х гг. чуть более 14%.

Таким образом, для большинства населения реализовать наиболее эффективные в экономическом отношении адаптационные практики было даже в тот, характеризовавшийся наибольшей социальной мобильностью период (*Тихонова, 2014*) невозможно. Однако это не означало отсутствия у остальных россиян разного рода адаптационных практик – наоборот, эти практики были весьма разнообразны и широко распространены, и если бы не они, то положение населения в 1990-е гг. было бы намного хуже, чем это имело место в реальности. Наиболее доступными для российского населения в 1990-е гг. были действия, ориентированные на использование личного приусадебного или подсобного хозяйства, и именно их распространенность сразу же реагировала на ухудшение экономической обстановки. Так, в начале 1998 г., т.е. до кризиса 1998–1999 гг., доля россиян, которые трудились на своем приусадебном участке ради «выживания», составляла 19%, а в 2000 г. их стало уже 24% (*Герасимова, 2005: 193*). Широко распространена была тогда и такая форма адаптационных практик, как множественная занятость (*Адаптационные стратегии..., 2003*).

В начале 2000-х гг. стартовал новый этап жизни российского общества, характеризовавшийся быстрым экономическим ростом. Согласно данным ФСГС РФ⁵, реальные располагаемые денежные доходы населения также непрерывно росли, увеличившись в 2000–2013 гг. в общей сложности в 2,7 раза, притом что ВВП вырос за тот же период лишь в 1,8 раза. После обострения в 2014 г. международной обстановки и начала экономического кризиса реальные доходы россиян упали в течение трех лет ниже уровня 2010 г. К 2018 г. ситуация практически не изменилась – доходы все еще не вернулись к докризисным, хотя уровень ВВП уже превзошел показатели 2014 г. (рис. 3).

⁵ Российский статистический ежегодник. Официальный сайт ФСГС РФ. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 – Дата обращения: 25.05.2019 г.).

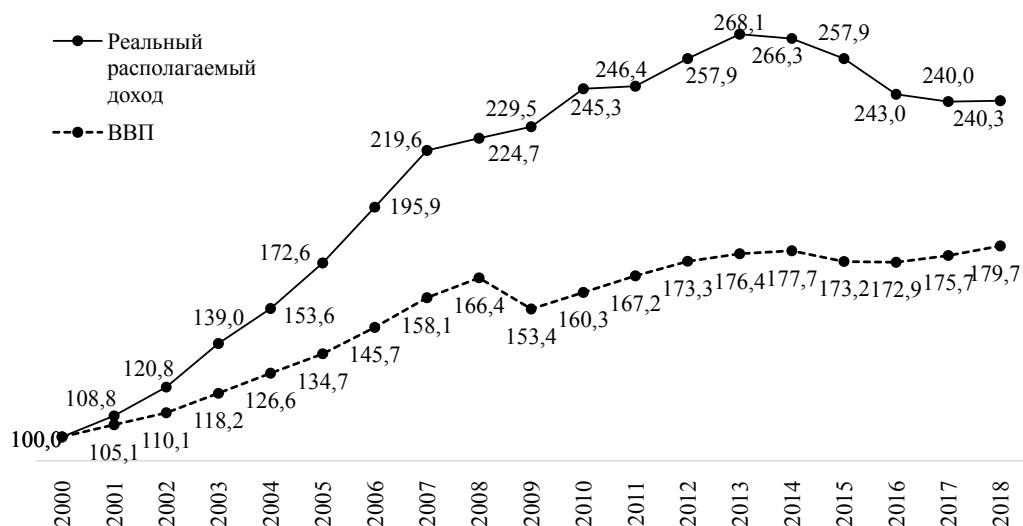

Рис. 3. Динамика реальных располагаемых доходов населения в 2000–2018 гг. в сравнении с динамикой ВВП, ФСГС РФ, % от уровня 2000 г.

Таким образом, динамика уровня доходов и их распределения в российских домохозяйствах свидетельствует о длительном периоде их роста, что способствовало и росту удовлетворенности россиян своим материальным положением⁶, а соответственно, должно было способствовать также повышению доли сторонников стратегии добровольного бездействия. Кроме того, специфика развития экономики на протяжении рассматриваемого периода не могла стимулировать у россиян и массового стремления к росту знаний и квалификации, поскольку монетарные «отдачи» на них, начиная с середины 2000-х гг., снижались (Лукиянова, 2009; Тихонова, Каравай, 2018). Соответственно, должна была потерять популярность и активность в наращивании своих знаний и квалификации.

Для проверки этих предположений с помощью уже упоминавшегося выше метода двухэтапного кластерного анализа мы получили один и тот же набор активных адаптационных стратегий на данных всех использованных массивов⁷. Последующий анализ показал, что рост благосостояния населения в начале 2000-х гг. действительно привел к заметному снижению доли населения, нуждающегося в активных действиях в целях своей социально-экономической адаптации. Если в начале «нулевых» 80% россиян предпринимали какие-либо действия для улучшения своего материального положения, то к весне 2008 г. их доля сократилась до 62% и далее изменялась незначительно, составив к 2018 г. уже упоминавшиеся 64%. При этом среди населения с пассивным адаптационным поведением соотношение сторонников «вынужденного» и «добровольного» бездействия постепенно смещалось в пользу последних (в 2003 г. оно выглядело как 62:38, а к 2018 г. стало 54:46). Это говорит о том, что адаптация к новым условиям жизни у многих россиян успешно завершилась, хотя большинство все еще в ней нуждается.

Наши данные свидетельствуют также о том, что в разные годы изменялась и доля сторонников тех или иных активных адаптационных стратегий. Переломным

⁶ Так, доля оценивающих свое материальное положение как хорошее за это время выросла вдвое (с 7,8 до 15,3%), а считающих его плохим также вдвое (с 40,3 до 22,8%) сократилась. С 51,9 до 61,9% увеличилась и доля считающих его удовлетворительным.

⁷ Исключением являлись массивы 2008 и 2015 гг. В первом случае стандартная процедура двухэтапного кластерного анализа выделила 5 активных адаптационных стратегий, в которых стратегии, связанные с трудовой активностью, были укрупнены. На данных 2015 г., помимо 9 описанных выше активных адаптационных стратегий, была получена еще одна, которая объединяла индивидов, получающих доходы от сдачи в аренду недвижимости, проценты с инвестиций и т.п. Однако доля ее сторонников была в пределах статистической погрешности, поэтому мы отказались от ее выделения.

моментом оказался социально-экономический кризис, начавшийся в конце 2014 г. В основном он затронул стратегии, связанные с рынком труда: в общей сложности число их сторонников сократилось в 1,5 раза (с 52% в 2013 г. до 34% в 2018 г.) (рис. 4), при этом более чем в 2 раза (с 20% в 2013 г. до 9% в 2018 г.) уменьшилось число тех, кто выбирал множественную занятость. Заметно сократилась и распространенность сверхурочной работы – с 15% в 2013 г. до 10% в 2018 г. Одновременно люди снова стали активнее трудиться в личном приусадебном хозяйстве (рост с 11% в 2013 г. до 18% в 2018 г.), а также стали чаще прибегать к максимальной активности, чтобы хоть как-то «удержаться на плаву»: доля сторонников этой стратегии выросла в 2013–2018 гг. практически в 2 раза – с 7% до 13%. Другими словами, последний экономический кризис привел к тому, что активная адаптация стала все реже предполагать трудовую активность и все чаще – малоэффективное производство продуктов питания в подсобном хозяйстве и попытки «крутиться» без устойчивых дополнительных источников доходов.

Причиной уменьшения распространенности трудовых адаптационных стратегий стали негативные процессы, происходившие на рынке труда в последние годы. Согласно исследованиям (Тихонова, Каравай, 2017), во время последнего экономического кризиса заметно ухудшилась ситуация с соблюдением основных трудовых прав работников: в среднем россияне стали больше времени проводить на работе, а платить при этом им стали меньше, если не в абсолютном, то в относительном выражении. Естественно, что в таких условиях стратегии сверхурочной работы и множественной занятости перестают быть эффективными, да и сил на дополнительную занятость при увеличении трудовой нагрузки у россиян уже не остается.

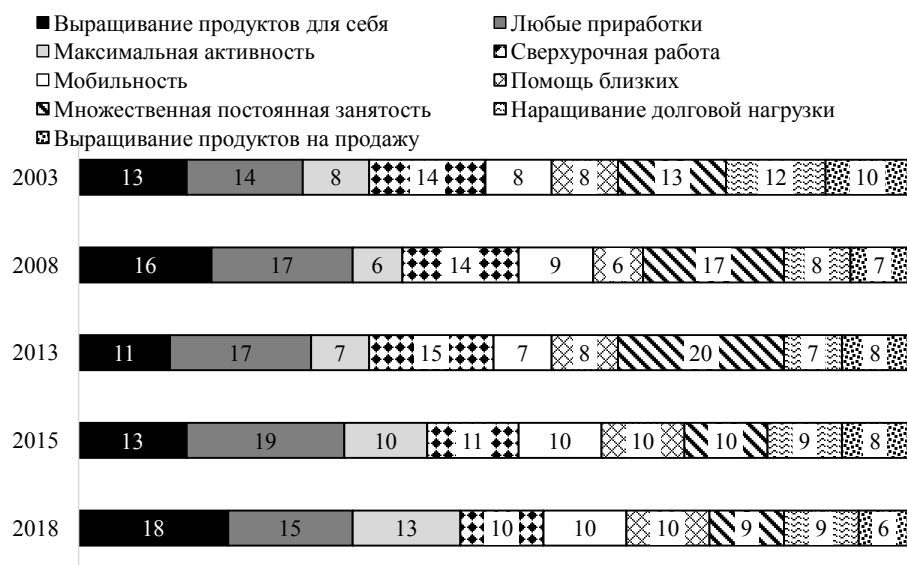

Рис. 4. Распространенность различных активных адаптационных стратегий среди россиян в 2003–2018 гг., ИС ФНИСЦ РАН, % от тех, кто что-либо предпринимал для поддержания/улучшения своего материального положения

Кроме того, как мы и предположили выше, действия, связанные с наращиванием и обновлением своих знаний и квалификации, не только не приобрели среди россиян массового распространения, но стали встречаться даже реже. Так, с 2008 г., т.е. после завершения структурной перестройки экономики, во всех использованных массивах данных хоть как-то пополняли свои знания менее половины россиян, хотя еще в 2003 г. их доля составляла более половины. Одновременно переквалификация стала все реже

рассматриваться в качестве способа улучшения своего материального положения – неслучайно в 2018 г. лишь 3% россиян говорили о том, что они переквалифицируются, чтобы сменить работу, хотя в 2003 г. таких было вдвое больше (6%).

Выводы

Формирование типичных поведенческих паттернов, направленных на социально-экономическую адаптацию к изменившимся внешним условиям, наиболее активно происходило в 1990-е гг., когда быстрая трансформация привычной институциональной среды вынуждала индивидов искать дополнительные способы поддержания материального благополучия, а зачастую и выживания. При этом россияне сравнительно чаще выбирали тогда трудовые стратегии, связанные с разовыми приработками и трудом в подсобном хозяйстве. Те же, кто избирал неконструктивную пассивную стратегию адаптации, и тогда, и сейчас примерно в половине случаев делали это из-за объективных ресурсных ограничений, главными из которых были возраст, здоровье и другие объективные факторы. Однако остальную половину, т.е. примерно каждого 10-го россиянина, можно рассматривать как дезадаптанта. К последним можно отнести и те 7% взрослого населения страны, которые предпринимают какие-то действия для улучшения своего материального положения, но все эти действия имеют неконструктивный характер (увеличение долговой нагрузки, распродажа имущества и т.п.).

В первой декаде нового века на фоне общего роста благосостояния населения отсутствие активности в поиске дополнительных источников доходов из-за невозможности что-то самостоятельно изменить стало постепенно замещаться отсутствием такой активности в силу того, что эту часть россиян их материальное положение устраивало. Таким образом, неконструктивная пассивная адаптация стала постепенно уступать свои позиции конструктивной пассивной адаптации, свидетельствующей, что происходящие изменения во внешней среде не требуют от индивидов дополнительных действий. Однако для большинства взрослого населения страны все же и сейчас типичны активные стратегии социально-экономической адаптации, и прежде всего – разовые приработки и выращивание продуктов для себя. Несмотря на то что они относятся к конструктивным формам социально-экономической адаптации, они имеют низкую экономическую эффективность. Кроме того, число тех, кто выбирает такие формы адаптационной активности, как множественная и сверхурочная занятость, после экономического кризиса 2014–2016 гг. существенно сократилось. В основе такой динамики лежит общее ухудшение ситуации на рынке труда из-за изменения «баланса сил» во взаимоотношениях работников и работодателей, делающее многие формы трудовой деятельности невыгодными для работников. Наконец, более чем у половины использующих активные формы адаптации она включает либо только неконструктивные действия, либо конструктивные действия сочетаются в ней с неконструктивными. Это заставляет считать относительно благополучными в плане их адаптационных возможностей меньшинство россиян (43% по состоянию на 2018 г.).

В целом, подводя итоги нашего анализа, можно сделать вывод, что процесс социально-экономической адаптации россиян к сложившейся в стране системе социально-экономических отношений до сих пор не завершен и протекает очень непросто. Более того – он находится в серьезном диссонансе со многими задачами, декларируемыми сейчас властью. Так, высокая (минимум 17%) доля активных и пассивных дезадаптантов, большинство которых относятся к трудоспособным возрастам, противоречит идее повышения адресности социальной поддержки со стороны государства только по принципу нуждаемости. Снижение распространенности конструктивных форм адаптационной активности, связанных с рынком труда, происходит на фоне обострения потребности экономики в трудовых ресурсах и задачи оптимизации их использования. Сократившееся на фоне принятия страной курса на «технологический прорыв»

число наращивающих и обновляющих свой человеческий капитал, а также вдвое уменьшившаяся доля переквалифицирующихся ради улучшения своего материального благосостояния соседствуют с резким ростом числа тех, кто ради этого использует возможности подсобного хозяйства. Все это свидетельствует о том, что проблемы социально-экономической адаптации россиян потребуют повышенного внимания к ним отечественных исследователей и в будущем. При этом решение проблем социально-экономической адаптации не может идти в отрыве от понимания закономерностей функционирования и изменения существующих социальных институтов, поскольку именно они во многом определяют выбор россиян в отношении доступных им адаптационных действий.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаптационные стратегии населения / Под ред. Авраамовой Е.М. (2003). СПб.
- Вольчик В. В., Зотова Т. А. (2011). Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *Terra Economicus*, Т. 9, № 4, с. 54–64.
- Герасимова С. Б. (2005). Стратегии выживания семей в условиях рыночной экономики / *Изучение проблем бедности в России*. М.: Алекс. С. 190–206.
- Гордон Л. А. (1994). Социальная адаптация в современных условиях // *Социологические исследования*, №. 8, с. 3–15.
- Заславская Т. И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*, №. 3, с. 5–21.
- Каравай А. В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*, № 3, с. 128–145
- Козырева П. М. (2011). Социальная адаптация населения России в постсоветский период // *Социологические исследования*, № 6, с. 24–35.
- Латов Ю. В. (2003). Россия 1990-х годов: недоразвитость через упадок или развитие через спад // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1, №1, с. 100–115.
- Лукьянова А. Л. (2010). Отдача от образования: что показывает метаанализ // *Экономический журнал Высшей школы экономики*, Т. 14, №. 3, с. 326–348.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. (2017). М.: Весь Мир.
- Позднякова О. В. (2011). Социальная адаптация как стадия социализации личности // *Социально-экономические явления и процессы*, №. 5–6, с. 362–366.
- Тихонова Н. Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. (2017). Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2 (138), с. 1–17.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. (2018). Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // *Социологические исследования*, № 5, с. 84–98.
- Шабанова М. А. (2001). Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // *Мир России*, № 3, с. 78–104.
- Bowles, S., Choi, J. K., Hopfensitz, A. (2003). The co-evolution of individual behaviors and social institutions // *Journal of theoretical biology*, Т. 223, №. 2, с. 135–147.
- Branisa, B., Klasen, S., Ziegler, M. (2013). Gender inequality in social institutions and gendered development outcomes // *World Development*, Т. 45, с. 252–268.
- Branisa, B., Klasen, S., Ziegler, M., Drechsler, D., Jütting, J. (2014). The institutional basis of gender inequality: The Social Institutions and Gender Index (SIGI) // *Feminist economics*, Т. 20, №. 2, с. 29–64.

- Castles, S. (2003). Towards a sociology of forced migration and social transformation // *Sociology*, T. 37, № 1, c. 13–34.
- De Rose, A., Racioppi, F., Zanatta, A. L. (2008). Italy: Delayed adaptation of social institutions to changes in family behaviour // *Demographic research*, T. 19, c. 665–704.
- Duchêne, A., Moyer, M., Roberts, C. (ed.). (2013). Language, migration and social inequalities: A critical sociolinguistic perspective on institutions and work. *Multilingual Matters*, T. 2.
- Farrell, H., Newman, A. (2017). Brexit, voice and loyalty: rethinking electoral politics in an age of interdependence // *Review of international political economy*, T. 24, №. 2, c. 232–247.
- Fazey, I., Wise, R. M., Lyon, C., Câmpeanu, C., Moug, P., Davies, T. E. (2016). Past and future adaptation pathways // *Climate and Development*, T. 8, №. 1, c. 26–44.
- Hashimoto, T., Nishibe, M. (2017) Theoretical model of institutional ecosystems and its economic implications // *Evolutionary and Institutional Economics Review*, T. 14, №. 1, c. 1–27.
- Hechter, M., Opp, K. D., & Wippler, R. (2018). *Social institutions: Their emergence, maintenance and effects*. Taylor and Francis.
- Hoffman, A. J. (2003). Linking social systems analysis to the industrial ecology framework // *Organization & Environment*, T. 16, №. 1, c. 66–86.
- Jones, L., Boyd, E. (2011). Exploring social barriers to adaptation: insights from Western Nepal // *Global Environmental Change*, T. 21, №. 4, c. 1262–1274.
- O'Brien, R., Goetz, A. M., Scholte, J. A., Williams, M. (2000). *Contesting global governance: Multilateral economic institutions and global social movements*. Cambridge University Press, T. 71.
- Porter, J. J., Demeritt, D., Dessai, S. (2015). The right stuff? Informing adaptation to climate change in British local government // *Global Environmental Change*, T. 35, c. 411–422.
- Tarrow, S. (2001). Transnational politics: Contention and institutions in international politics // *Annual review of political science*, T. 4, №. 1, c. 1–20.
- Tibbs, H. (2011). Changing cultural values and the transition to sustainability // *Journal of Futures Studies*, T. 15, №. 3, c. 13–32.

REFERENCES

- Avraamova, E. M. (ed.) (2003). *Adaptation strategies of the population*. Saint-Petersburg. (In Russian.)
- Bowles, S., Choi, J. K., Hopfensitz, A. (2003). The co-evolution of individual behaviors and social institutions. *Journal of theoretical biology*, 223 (2), 135–147.
- Branisa, B., Klasen, S., Ziegler, M. (2013). Gender inequality in social institutions and gendered development outcomes. *World Development*, 45, 252–268.
- Branisa, B., Klasen, S., Ziegler, M., Drechsler, D., Jütting, J. (2014). The institutional basis of gender inequality: The Social Institutions and Gender Index (SIGI). *Feminist economics*, 20 (2), 29–64.
- Castles, S. (2003). Towards a sociology of forced migration and social transformation. *Sociology*, 37 (1), 13–34.
- De Rose, A., Racioppi, F., Zanatta, A. L. (2008). Italy: Delayed adaptation of social institutions to changes in family behavior. *Demographic research*, 19, 665–704.
- Duchêne, A., Moyer, M., Roberts, C. (ed.) (2013). Language, migration and social inequalities: A critical sociolinguistic perspective on institutions and work. *Multilingual Matters*, 2.
- Farrell, H., Newman, A. (2017). Brexit, voice and loyalty: rethinking electoral politics in an age of interdependence. *Review of international political economy*, 24 (2), 232–247.
- Fazey, I., Wise, R. M., Lyon, C., Câmpeanu, C., Moug, P., Davies T. E. (2016). Past and future adaptation pathways. *Climate and Development*, 8 (1), 26–44.

Gerasimova, S. B. (2005). Family survival strategies in a market economy. In: *Study of poverty in Russia*. Moscow: Aleks, 190–206. (In Russian.)

Gordon, L. A. (1994). Social adaptation in modern conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8, 3–15. (In Russian.)

Gorshkov, M. K. (ed.), Tikhonova, N. E. (ed.) (2017). *Russian Society and Challenges of Time. Book five*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian.)

Hashimoto, T., Nishibe, M. (2017). Theoretical model of institutional ecosystems and its economic implications. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 14 (1), 1–27.

Hechter, M., Opp, K. D., & Wippler, R. (2018). *Social institutions: Their emergence, maintenance and effects*. Taylor and Francis.

Hoffman, A. J. (2003). Linking social systems analysis to the industrial ecology framework. *Organization & Environment*, 16 (1), 66–86.

Jones, L., Boyd, E. (2011). Exploring social barriers to adaptation: insights from Western Nepal. *Global Environmental Change*, 21 (4), 1262–1274.

Karavay, A. V. (2019). Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, 3, 128–145 (In Russian.)

Kozyreva, P. M. (2011). Social adaptation of the Russian population in the post-soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6, 24–35. (In Russian.)

Latov, Y. V. (2003). Russia of 1990-s: underdevelopment through decline or development through recession. *Economic Bulletin of Rostov state University*, 1 (1), 100–115. (In Russian.)

Lukyanova, A. L. (2010). Return from education: what the meta-analysis shows. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Economic journal of Higher School of Economics], 14 (3), 326–348. (In Russian.)

O'Brien, R., Goetz, A. M., Scholte, J. A., Williams, M. (2000). *Contesting global governance: Multilateral economic institutions and global social movements*. Cambridge University Press, 71.

Porter, J. J., Demeritt, D., Dessai, S. (2015). The right stuff? Informing adaptation to climate change in British local government. *Global Environmental Change*, 35, 411–422.

Pozdnyakova, O. V. (2011). Social adaptation as the stage of socialization of the person. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 5–6, 362–366. (In Russian.)

Shabanova, M. A. (2001). Mass adaptation strategies and prospects of institutional transformations. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 3, 78–104. (In Russian.)

Tarrow, S. (2001). Transnational politics: Contention and institutions in international politics. *Annual review of political science*, 4 (1), 1–20.

Tibbs, H. (2011). Changing cultural values and the transition to sustainability. *Journal of Futures Studies*, 15 (3), 13–32.

Tikhonova, N. E. (2014). *Russia's social structure: theory and reality*. Moscow: Novyi Khronograf: In-t sotsiologii RAN. (In Russian.)

Tikhonova, N. E., Karavay, A. V. (2017). The Impact of the 2014–2016 economic crisis on the employment of Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2, 1–17. (In Russian.)

Tikhonova, N. E., Karavay, A. V. (2018). Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5, 84–98. (In Russian.)

Vol'chik, V. V., Zotova, T. A. (2011). Adaptive rationality and economic behavior in an evolutionary context. *Terra Economicus*, 9 (4), 54–64. (In Russian.)

Zaslavskaya, T. I. (1995). Social mechanism of transformation of Russian society. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal], 3, 5–21. (In Russian.)